

плъниши“. Пречюдными же уноша с радостию обещаю послужити има до живота ею, и от того дни тшашеся по вся дни всячьскыи угодити родителема, яко да наследит от них молитву и благословение» (стр. 36—37). Та подробность и то отношение, с каким Епифаний говорит в «Житии Сергия» о родителях святого, совершенно необычайное явление в агиографической литературе; по всей видимости, мотив этот находится в непосредственной связи с новым явлением в русских нравах и быте в конце XIV—начале XV в.: «В XIV—XV вв. постепенно складывается семейный быт русского с сильной властью отца, с высоким нравственным авторитетом матери, о котором много пишут в посланиях и грамотах XIV и XV вв. ... Можно привести множество примеров, доказывающих повышенный интерес к семье в литературе и в живописи XIV—XV вв.».³¹ Рассмотренные примеры представляют большой интерес и в другом отношении. Касаясь вопроса о реалистических тенденциях в древнерусской литературе, В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в историческом повествовании рядом с рассказами, жизненная правдивость которых была результатом не „реалистичности литературы, а реальности самой жизни, как бы перенесенной в литературу“,³² появляются эпизоды, созданные при участии художественного вымысла и тем не менее жизненно правдивые, воздействующие на читателя не только исторической достоверностью изображения, но и художественной его убедительностью».³³ Нам представляется, что рассмотренные эпизоды и уж во всяком случае такие, как эпизод в церкви, как сообщение о постничестве младенца Сергия (ведь на самом-то деле этого не могло быть!), бесспорно могут быть охарактеризованы как «эпизоды, созданные при участии художественного вымысла», и хотя в целом их нельзя назвать «жизненно правдивыми», тем не менее отдельные детали их кажутся прямо взятыми из быта. Это сочетание художественного вымысла с жизненной правдивостью представляется нам явлением, очень характерным для творчества Епифания, восходящим к традициям ранней русской агиографии,³⁴ и резко отличает его от южнославянских агиографов того же времени.

Необходимо отметить, что в житиях Епифания мы можем обнаружить отражение фольклорных мотивов. Прежде всего это уже упомянутая выше своеобразная датировка Епифанием исторических событий. Похвальное слово Стефану Пермскому представляет собой три плача — «Плачь Пермских людей», «Плачь церкви Пермьская, егда обвдове и плакася по епископе си» и «Плачь и похвала инока списающа». Как писал В. О. Ключевский, «такая оригинальная форма похвального слова безраздельно принадлежит одному Епифанию: ни в одном греческом переводном житии не мог он найти ее и ни одно русское позднейшее, заимствуя отдельные места из похвалы Епифания, не отважилось воспроизвести ее литературную форму».³⁵ На вопросе о книжных, литературных элементах в плачах, которые встречаются в памятниках древнерусской литературы, останавли-

³¹ Там же, стр. 154 и 157.

³² Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 7. Примечание В. П. Адриановой-Перетц.

³³ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 11—12.

³⁴ См. в настоящем сборнике статью В. П. Адриановой-Перетц «Задачи изучения „агиографического стиля“ Древней Руси» (стр. 41—71). Помимо отмеченного общего для конца XIV—начала XV в. интереса к вопросам семейной жизни, возможно, на Епифания оказали влияние и «семейные интересы» к ранним годам жизни святого у Нестора в «Житии Феодосия Печерского». В епифаниевском «Житии Сергия» могут быть отмечены даже текстуальные параллели с Несторовым «Житием Феодосия».

³⁵ В. О. Ключевский, стр. 94.